

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (71)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бegaзы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (71)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ДЕРЕВО И СОВРЕМЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СУРГУТСКИХ ХАНТОВ

Целью работы является изучение роли дерева и современных материалов в культуре сургутских хантов. В ходе исследования решался ряд задач: изучение символических характеристик традиционных природных материалов (дерево, береста) и современных материалов (металл, пластик, стекло, резина и др.); определение их места в знаково-символической модели; соотношение размещения отходов из современных материалов с пространственно-символической схемой поселения. Источниками послужили полевые материалы автора, собранные в 2002–2017 гг. у хантов Сургутского района ХМАО — Югры, а также опубликованные материалы о культуре восточных хантов и их соседей. В культуре сургутских хантов дерево и береста, кроме актуальных практических качеств, обладают глубоким знаково-символическим содержанием, коренящимся в традиции. Современные материалы в силу своих эксплуатационных свойств и доступности в настоящее время завоевывают все большую популярность. Замещение традиционных материалов современными — практичными, но не обладающими символизмом, приводит к нейтрализации традиционных смыслов деревянных изделий, что указывает на десакрализацию повседневного пространства культуры таежного жителя. В то же время областью культуры, исключая массовое применение современных материалов, а также сохраняющей символические характеристики дерева и бересты, традиционно остается культово-ритуальная сфера.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, символы в культуре, дерево и береста, металл, стекло и пластик.

Ссылка на публикацию: Рудь А.А. Дерево и современные материалы в культурном пространстве сургутских хантов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 4. С. 216–223. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-71-4-18>

Введение

Осмысление роли различных материалов в традиционной культуре сургутских хантов и других народов Западной Сибири неоднократно затрагивалось исследователями [Адаев, 2007; Рындина, 2008; Соколова, 2009; Вигет, Балалаева, 2014; Руткаи-Миклиан, 2016; и др.]. В последнее десятилетие наблюдается повышенный исследовательский интерес к проблемам использования традиционных и современных материалов, их расширенной функциональности, вторичного использования, а также появления новых технологий контроля над пространством у коренных жителей Севера, Сибири и Дальнего Востока [Головнев, 2017, 2018; Энергия Арктики и Сибири..., 2020; Гончаров, 2024]. С начала активного промышленного освоения Западной Сибири во второй половине XX в. современные материалы и технологии внесли большие изменения в жизнь сургутских хантов. Металл, пластик, стекло, резина и другие материалы стали неотъемлемой частью материальной культуры коренных жителей, частично заменив традиционные, в том числе наиболее распространенный — дерево.

Еще в начале XX в. исследователи отмечали в мировоззрении обских угров одушевленность всех окружающих человека предметов и объектов [Карьялайнен, 1994, с. 32]. В связи с чем все природные материалы были наделены символикой, маркирующей их принадлежность к Верхнему-Среднему-Нижнему мирам хантыйского космоса. Одним из таких материалов, занимающих значимое место в культуре таежных жителей, является дерево и его производные. До недавнего времени дерево было основой системы жизнеобеспечения традиционных культур Западной Сибири, в том числе хантов, проживающих в Сургутском Приобье. Оно до сих пор широко используется для возведения жилища, объектов промысла и оленеводства, для изготовления предметов домашней утвари, транспортных средств и др., а также выполняет функцию топлива — т.е. является универсальным и актуальным материалом.

За границей обжитого человеком пространства, в лесу, дерево является прибежищем — местом обитания разнообразных животных — объектов охоты и промысла. Нельзя не упомянуть о дереве как о месте нанесения путевых знаков (по сути — маркеров обжитого человеком дикого таежного пространства), используемых для обозначения развилки дорог и путевых ориентиров, границ территории

промысла [Рудь, 2021а, с. 207]. Высеченные на дереве в месте добычи медведя символы являются посланием в мир божеств и духов, а также сообщением в мир человеческий о встрече промысловиков с сыном бога-демиурга *Торума* [Рудь, 2007, с. 105–107]. Дерево является одним из мест обитания божеств и духов. Их лики, высеченные шаманами или хранителями традиций, иногда можно увидеть на стволах кедров в далеких промысловых урманах [Рудь, 2011]. С дерева, растущего на родовом святилище, хранитель культа берет скол для изготовления фигурок божества-покровителя человека — члена сообщества (клана или рода) [Рудь, 2016а, с. 137]. В символическом отношении произрастающее на святилище дерево можно рассматривать как вместилище душ людей одного корня.

Рассматривая символические аспекты дерева и современных материалов у сургутских хантов, автор опирался на методологию исследования символов в культуре В. Тэрнера [1983], а также на теоретические работы А.К. Байбурина [1981, 1989]. При изучении пространственно-символической схемы поселений сургутских хантов был применен метод планиграфической фиксации, широко используемый в археологии [Городцов, 1914, с. 22–27]. В работе также использованы материалы исследований планировочной структуры поселений сургутских хантов из публикаций А.В. Головнева [1995, с. 258–260], Э. Вигета [2002], П. Джордана [Jordan, 2003, р. 183–230], А.С. Песиковой [2006, с. 61–74].

Включение дерева в мир человека

У сургутских хантов существует ряд символических действий, которые можно рассматривать как ритуал перехода дерева из дикого таежного пространства в мир человека. Одно из них связано с поиском дерева, обладающего практическими свойствами для использования его в хозяйстве. В ходе рутинного производственного процесса человек топором (предметом, сделанным из железа — материала, изготовленного человеком) делает затески на стволе дерева, проверяя свойства древесины: ее «кремневость» (смолистость) [ПМА. 2005], стройность ее волокон — «чтобы его не крутило по спирали» [ПМА. 2009, 2010]. Любое воздействие человека на дерево топором или другими металлическими инструментами (нанесение на ствол путевых затесок, знаков о добыче медведя, изъятие скола дерева для изготовления предмета) имеет не только практическое содержание — это воздействие символизирует процесс одомашнивания: дикое, «таежное», дерево становится «домашним» — приносящим пользу человеку [ПМА. 2002–2017]. Случается, что процесс подбора деревянной заготовки дистанцирован по времени от доставки ее на место изготовления изделия. В связи с чем срубленное дерево может долго находиться в лесу. Согласно поверью трюмьеганских хантов за это время в деревянную заготовку могут поселиться злые духи (*йилэк канлэх отэт*). Для предотвращения этого проводят охранительный ритуал. На Трюмьегане автор участвовал в заготовке кедра для изготовления лодки-обласа. После проверки свойств древесины дерево было признано годным, спилено и укорочено по длине будущей лодки. В силу того что увезти его с собой не было возможности, информант сделал недалеко от одного из краев заготовки небольшие зарубки, пояснив — «Это я обозначил так, что дерево мое. Чтобы маячки туда не поселились, пока оно тут в лесу будет лежать» [ПМА. 2009].

Соотношение пород дерева с Верхним и Нижним мирами хантыйского космоса

С учетом особенностей картины мира складывается отношение человека к той или иной породе дерева в связи с ее принадлежностью к разным мирам хантыйского космоса [Головнев, 1995, с. 362]. Так, у хантов правобережья Оби существует обычай изготавливать изображения божеств Верхнего мира из пород дерева, ассоциирующихся с Небесной сферой, — т.е. из березы, лиственницы, в то время как изображения божеств Нижнего мира (сферы Земли) делают из кедра [ПМА. 2002–2017]. Во время ритуалов жертвоприношения ткани и шкуры животных, адресованные богам Верхнего мира, вывешивают на березу или лиственницу, а дары, предназначенные для персонажей Нижнего мира, вывешивают на кедр, иногда — пихту или кладут у их подножья [ПМА. 2002–2017]. При приношениях верховному божеству Нижнего мира *Кынь Ики* традиционно жертвуют «сак» или «бронезилет», сделанный из жести, но в качестве заместителя дара может выступить бревно из свежесрубленного кедра [ПМА. 2010]. Этой дихотомии придерживаются при изготовлении других предметов, используемых человеком. Основным материалом для изготовления люльки ребенка выступают береза и береста, указывающие на покровительство младенца божествами Верхнего мира [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 11–13]. Гроб, являющийся вместилищем человека после смерти, делают из кедра — дерева Нижнего мира. Для изготовления нарты, на которой ездят люди, а герои хантыйского фольклора путешествуют в Верхний мир, используют березу. В то время как лодка-облас, служащая средством передвижения по водоемам, обладающим характеристиками Нижнего мира, делают из осины и кедра — опосредованно указывающих на место водной стихии в картине мира сургутских хантов [ПМА. 2002–2017].

В подобных рассуждениях нельзя игнорировать деловые качества той или иной породы дерева. Береза является прочным деревом, поэтому нарта из нее будет долговечнее сделанной из сосны или кедра. Осина выступает идеальным материалом для изготовления обласа — она пластичная, легко выбирается инструментом, а также реже трескается при разведении бортов лодки над костром. Береста имеет хорошие гидроизоляционные свойства, поэтому широко используется в хозяйстве сургутских хантов, в сферах, где эти качества востребованы.

Современные материалы

В современном мире появляются новые материалы, не имеющие никаких связей с традиционными технологиями и природным сырьем. Высокая функциональность делает их популярными среди хантов Сургутского Приобья. Однако в символическом измерении хантйской культуры эти материалы неоднородны. Так, металл в этом перечне занимает переходное положение между традиционными и современными материалами. Изделия из него еще со времен средневековья известны в культуре обских угров своими защитными свойствами — как в материальном мире (оружие и доспехи угорских воинов) [Чемякин, Карачаров, 2002; Сподина, 2024; и др.], так и в метафизическом. К примеру, культовые бронзовые подвески и нашивки до сих пор воспринимаются информантами как личные обереги человека. Острые железные изделия — нож и топор выполняют охранительные функции на границе человеческого и потустороннего миров [ПМА. 2002–2017]. Рассматривая символику металла у обских угров, О.М. Рындина выделила две его функции: во-первых, изделия из цветных металлов и их звуковые атрибуты устанавливали контакт с высшими силами, ответственными за мироустройство, они моделировали пространство с положительными для человека свойствами; во-вторых, железные предметы выполняли апотропеическую функцию (функцию оберега) [Рындина, 2008, с. 297–302]. В фольклорном сюжете сургутских хантов *Кон Ики* (один из божеств Верхнего мира) запечатывает в металлический короб своего антагониста — подземного бога, отвечающего за болезни и смерти [Вигет, Балалаева, 2014, с. 63]. Широко распространенные в наши дни предметы из металла, включая посуду, оружие, предметы быта, инструменты, средства передвижения — вплоть до жестяной заплатки на деревянном обласе, — являются не только крепким и долговечным материалом, но и несут символику оберега. Сходные с бытующими у сургутских хантов представления о защитных свойствах металлических изделий были рассмотрены в работе Э. Руткаи-Миклиан на материалах современного хантйского населения Нижнего Приобья [2016, с. 45–46]. Вместе с тем защитная сила металла не является абсолютной. Имеются примеры, когда современные информанты воспринимают поломку техники (сделанной в основном из металла) как воздействие на нее божеств или же персонажей Нижнего мира (духов, маячек), особенно если неисправность случилась в границах сакральных ландшафтов за пределами освоенного человеком пространства [ПМА. 2006]. Несмотря на давнее знакомство сургутских хантов с металлом и наличие представлений о его защитных функциях, он по-прежнему воспринимается в культуре «чужим» материалом. В недавних исследованиях Э. Вигета и О.Э. Балалаевой отчетливо зафиксировано противопоставление «хантйской бересты» и «русского железа», где металл и береста символизируют соответственно индустриальный и природный порядки современной реальности коренных жителей [2014, с. 63].

Если металлу в общих чертах соответствует характеристика материала-оберега, то вопрос о символике таких материалов, как пластик, резина, стекло и др., не предполагает однозначных ответов. Отсутствие в традиции четкой привязки таких материалов к Верхнему или Нижнему мирам хантйского космоса делает их как будто бы материалами Среднего мира (мира человека) — что мы можем наблюдать в массе примеров повседневности. Вместе с тем, в зависимости от того, в какой сфере используются новые материалы людьми, они могут становиться носителями соответствующих символов Верхнего или Нижнего мира. Так, если шифер, металлопрофиль или рубероид используются в качестве кровли постройки, то эти материалы начинают ассоциироваться с Верхним миром. С другой стороны, рубероид или черная пленка (используемая нефтяниками для изоляции трубопроводов) может применяться хантами как для кровельного покрытия жилых и хозяйственных построек, так и в погребальном обряде для защиты деталей погребальных сооружений от воды/влаги. В таком качестве эти материалы аналогичны традиционной бересте, где на первый план, как и в прошлом, выступают гидроизолирующие свойства, а принадлежность к тому или иному миру хантйского космоса вторичны. Отметим, что использование дерева и бересты может быть продиктовано и другими представлениями, коренящимися в традиции. Так, В.М. Кулемзин сообщал, что обычай заворачивать труп в бересту васюганские ханты объясняли стремлением сохранить тело (костные останки человека), т.е. продлить «жизнь» умершего [Кулемзин, 1984, с. 78].

Искусственным материалом, широко вошедшим в быт сургутских хантов в XX в., является стекло. Вставленное в оконную раму, оно повсеместно используется для освещения построек в зимнее время. При этом удобство стекла очевидно — оно прозрачное и, в отличие от фрагментов льдин, использовавшихся в прошлом, не тает. По аналогии с другими материалами и конструктивными деталями кровли можно предположить, что в случаях, когда стекло используется в домах, имеющих оконный проем в потолке, оно наделяется свойством принадлежности к Верхнему миру. Наблюдается особое отношение к бутылкам из-под алкоголя, распитие которого является неотъемлемой частью ритуала угощения божеств. Их складывают отдельно в сакральном секторе стойбища [Рудь, 2021b, с. 227]. Другая участь уготована битому стеклу, перегоревшим лампочкам и другим пришедшим в непригодность стеклянным изделиям — они попадают на «мусорку».

Современные материалы и традиционные культы

Необходимо отметить, что использование современных материалов в сфере традиционных верований и ритуалов сведено к минимуму, что можно рассматривать как защитный механизм сакрального пространства культуры. Приоритет традиционных материалов до сих пор наблюдается при строительстве культовых сооружений — лабазов или наземных построек. Наиболее ярко эта черта проявляется в левобережье Оби. Применение традиционных материалов коренные жители аргументируют желанием божеств — *«чтобы в таких местах было по-старинному»*. По сей день у юганских хантов существуют нарративы о негативных последствиях применения современных материалов в культовых постройках [Рудь, 2016b, с. 109–110]. Сегодня наблюдаются ограничения в использовании современных материалов для изготовления культовой атрибутики и даров в адрес божеств, но они не имеют абсолютного характера. Такие материалы фиксируются в качестве составных деталей даров в адрес божеств: к примеру, черная гидроизоляционная пленка для орнаментации внешних поверхностей берестяной посуды, проволочная цветная изоляция и современный бисер — для изготовления ритуальных даров-украшений. Сохраняются ограничения, связанные с нежелательностью отправлять традиционные ритуалы в современной одежде, готовить ритуальную пищу на газовой горелке, о чем автор писал ранее [Рудь, 2016b, с. 109]. Ограничения могут затрагивать и применение во время ритуала нетрадиционной обуви. В ходе полевых исследований неоднократно фиксировалось использование традиционной зимней обуви («нырики») всеми участниками во время молений, шаманских камланий и отправления жертвоприношений, даже в летнее время. Как правило, информанты приписывают традиционной обуви, сделанной из природных материалов (оленья или лосиная кожа, сухожильные нитки), охранительную функцию — от воздействия негативных персонажей Нижнего мира [ПМА. 2005, 2007, 2010, 2012]. У этого обычая есть и другое объяснение, связанное с представлениями обских угров о необходимости сохранения «чистоты» («нетоптанности») сакральных ландшафтов [Адаев, 2007, с. 141–142]. По сути, речь идет о необходимости скрыть человеческую природу следов обуви. Во время коллективного жертвоприношения в зимнее время один из информантов сделал замечание автору о нежелательности ходить рядом со священной нартой «в русской обуви», пояснив: *«Твоя обувь оставляет следы человека, божества-лункэт это не любят. Моя — следов не оставляет — из оленьей шкуры. В такой обуви нужно ходить у священной нарты»* [ПМА. 2010]. Представленный сюжет вполне вписывается в схему коммуникации между священным (саркальным) и мирским (профанным) пространствами [Мосс, 2000, с. 7–104; 2011; Элиаде, 1994].

Локализация отходов современных материалов на стойбище

Локализация отходов современных материалов хорошо фиксируется в пространственно-символической схеме хантыйского стойбища. На стойбищах сургутских хантов, имеющих традиционную планировку, все предметы (объекты) хозяйственной и ритуальной деятельности имеют свое место, приуроченное к секторам поселения, которые условно можно наложить на гендерную схему, включающую: мужской сектор, пространство совместной деятельности, женскую территорию [Головнев, 1995, с. 277–279; Песикова, 2006, с. 61–74; ПМА. 2002–2017]. В символическом аспекте такую схему в границах стойбища можно соотнести с «чистым» — мужским пространством (ассоциирующимся со сферой Неба) и «нечистым» — женским (сферой Земли), что находит аналогии в представлениях северных хантов [Рутткаи-Миклиан, 2016, с. 45].

В условно северном секторе стойбища за жилым домом, ориентированным выходом на юг («на полуденное солнце»), расположена мужская сторона, которую информанты часто маркируют как «священную» часть стойбища, где локализованы: место для домашних жертвоприношений, священная нарта (или семейный культовый амбарчик), а ближе к периферии обжитого человеком пространства находится священная роща, куда люди вывешивают дары божествам после домашних ритуалов.

Там же, рядом со священной рощей, может помещаться хранилище костей медведя или лося. В центре стойбища (совместном женском и мужском пространстве) находится жилой дом. Где-то рядом с ним расположены: мастеровое место, сарай-гараж, хлебная печь, дрова. Там же, неподалеку, может стоять продуктовый лабаз, хозяйственный навес с нартами и орудиями промысла. Условный южный сектор стойбища (лицом к солнцу от жилого дома) — женская половина. Здесь расположены «мусорка» и место для собак, за которыми находится уборная. За туалетом — на границе леса и обжитого человеком пространства — находится роща, где на живых деревьях жители стойбища вывешивают изношенную одежду. Описанная схема содержит модель-миниатюру хантыйского космоса, которая в границах поселения человека проецирует на плоскость мужское-совместное-женское пространство, соотносимое в символическом измерении с Верхним-Средним-Нижним мирами.

В процессе исследования планировочной структуры стойбищ сургутских хантов правобережья Оби (рр. Лямин, Пим, Тромъеган, Аган) в границах «мусорки» часто фиксируется две площадки: первая — с природными отходами (стружка, рыба чешуя, сфагнум, используемый как ветошь, сушеные стебли травы, применяемые в качестве стелек для обуви и др.), вторая — с современными материалами (пластик, резина, стекло, сломанная электроника, тара из-под консервных банок, сока и т.д.). Вероятнее всего, сюда же, на вторую, попадают непригодные в хозяйстве мелкие металлические отходы. Само наличие системы «раздельного сбора бытовых отходов» говорит о том, что ханты вполне осознанно дифференцируют природные и современные материалы. Однако объясняют информанты такое раздельное хранение отходов исходя из экологических посылов и практических соображений — «это же пластик и стекло — он вообще не перегнивает», «чтобы люди, собаки и олени не укололись, не порезались». В результате мы фиксируем: локализация отходов современных материалов приурочена к женскому сектору стойбища, который в символическом измерении соотносится со сферой Земли, что опосредованно может указывать на их ассоциативность с Нижним миром хантыйского космоса. Описанное расположение «мусорок» в пространственно-символической схеме поселений наиболее четко фиксируется у сургутских хантов правобережья Оби, где они часто маркируются информантами как место обитания негативного персонажа — «Жилы выделяющей женщины». В 1990-х гг. А.П. Зенько отмечал подобных персонажей у юганских хантов — *Амп-чун-лунк-ими* («Дух-женщина с собачьей жилой»), у среднеобских хантов — *Пон-верты-ими* («Нитки делающая женщина»), у верхнепуровских хантов — *Талэр-ими* («Мусор-женщина»), характеризуя их как злых существ, пожирающих людей, не спящих ночью [1997, с. 47–48]. Аналогичные представления, связанные с фигурой *Тан-Варп-Эква* («Жилы скручивающей женщины»), широко распространенные у манси и северных хантов, были подробно рассмотрены в специальной работе А.В. Бауло и О.В. Голубковой [2020].

Приуроченность места складирования отходов современных материалов к женскому сектору стойбища ярко контрастирует с локализацией других категорий «отходов». Одним из таких примеров являются места складирования тары из-под алкоголя рядом с местом домашних жертвоприношений в священной части стойбища. Другим примером являются места складирования костей охотничьей добычи — хранилища костей медведя (или лося), расположенные там же, в мужском секторе стойбища, рядом со священной рощей. Выглядят такие места как небольшие постройки в виде наземных срубов или приподнятых на столбах помостов [Рудь, 2007, с. 101–105]. Сооружение этих построек связано с представлениями о реинкарнации зверя и необходимости с уважением относиться к его костным останкам [Кулемзин, 1984, с. 83–84].

Вместе с тем тезис о неперменной приуроченности места складирования отходов современных материалов к части поселения, соотносящейся со сферой Земли, едва ли сможет выдержать всестороннюю критику. Здесь необходимо внести важную корректировку. Натурные обследования стойбищ сургутских хантов свидетельствуют: помимо концентрированного размещения отходов современных материалов в границах «мусорок» в традиционно женской части стойбища, ассоциирующейся с Нижним миром, пластик, стекло, резина и другие современные материалы практически равномерно рассредоточены по всей площади проживания человека в границах поселения — разве что в меньших концентрациях.

Заключение

Востребованность металла, пластика, резины, стекла и других материалов сегодня в жизни сургутских хантов столь велика, что эти материалы, вероятнее всего, в ближайшее время будут заполнять все большие сферы материальной составляющей культуры, трансформируя компоненты духовной ее составляющей. Применение хантами современных материалов в повседневной жизни часто разрушает границы принадлежности используемых вместе с ними пород дерева, соотносящихся в соответствии с традицией с Верхним (береза, лиственница, сосна) или Нижним (кедр, оси-

на) миром. Примером этого могут служить использование рубероида для перекрытия жилых построек, сооруженных преимущественно из сосны, подбивка пластиком полозьев нарт, основным материалом которых является береза,— т.е. деталей материальной культуры, в символической картине мира хантов тяготеющих к Верхнему миру. С другой стороны, применение рубероида и черной полимерной пленки (по сути того же пластика) для гидроизоляции деталей погребальных сооружений, изготовленных из кедра, позволяет ассоциировать эти материалы с Нижним миром.

В настоящее время высокие эксплуатационные качества современных материалов выступают одним из главных аргументов их широкого использования, что делает принадлежность их к той или иной сфере хантского космоса вторичной. Это указывает на сходство многих современных материалов с берестой, которая у сургутских хантов также не несет четких знаков-символов принадлежности изделия к Верхнему или Нижнему миру. Не исключено, что дальнейшая эволюция использования современных материалов сургутскими хантами в хозяйстве поставит их над границами Верхнего и Нижнего миров хантского космоса — что, по сути, будет означать десакрализацию домашнего пространства. В то же время областью культуры, исключая массовое применение современных материалов, а также сохраняющей символические характеристики дерева, остается сфера традиционных верований и культов. Здесь наблюдается наиболее четкая дифференциация пород дерева, соотносящихся с разными мирами хантского космоса. При сооружении культовых построек ханты стараются придерживаться применения традиционных материалов — дерева и бересты. Приуроченность места складирования отходов современных материалов к женскому сектору стойбища в пространственно-символической схеме поселения сургутских хантов правобережья Оби опосредованно может указывать на ассоциативность пластика и других современных материалов с Нижним миром.

Нельзя обойти стороной мнение З.П. Соколовой: комментируя отдельные ограничения, связанные с использованием металла у обских угров, она предположила, что некоторые обычаи и ритуалы сложились у автохтонного населения еще до массового появления металла в Западной Сибири. Это объясняет настороженное отношение к металлу, отголоски которого все еще наблюдаются в культово-ритуальной сфере в форме ряда запретов [Соколова, 2009, с. 593–594]. Символические характеристики современных материалов (резины, стекла и др.) и соответствующие варианты их использования указывают на аналогичное положение их в культуре сургутских хантов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаев В.Н.* Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.
- Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 215–226. (СМАЭ; Т. XXXVII).
- Байбурин А.К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Под ред. А.С. Мыльников. Л.: Наука, 1989. С. 63–88
- Бауло А.В., Голубкова О.В.* Легенда о Тан-варп-экке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 123–134. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-11>
- Вигет Э.* Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е изд. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 169–222.
- Вигет Э., Балалаева О.* Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 38–72.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Головнев А.В.* Арктический этнодизайн // УИВ. 2017. № 2 (55). С. 6–17.
- Головнев А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В.* Арктика: Атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.
- Гончаров Н.С.* Свящая территория: Практики и стратегии жизнеобеспечения северных сообществ Республики Саха (Якутия) / Отв. ред. В.Н. Давыдов. СПб.: МАЭ РАН, 2024. 416 с.
- Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок. М.: Изд. Императорского Московского археологического института им. Императора Николая II, 1914. 64 с.
- Зенько А.П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность. Новосибирск: Наука, 1997. 160 с.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия Югорских народов // Соч.: В 3 т. / Пер. и публ. Н.В. Лукиной. Томск: ТГУ, 1994. Т. I. 152 с.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 192 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь: ханты / Под ред. В.И. Молодина. Новосибирск: Наука, 1992. 136 с.
- Мосс М.* Социальные функции священного / Под общ. ред. И.В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.

Рудь А.А.

- Мосс М. Очерк о даре: Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.
- Песикова А.С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
- Рудь А.А. Сведения о медвежьем промысле в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 4. С. 83–109.
- Рудь А.А. Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. Вып. 9. С. 339–354.
- Рудь А.А. Культурные объекты восточных хантов в начале XXI в. // УИВ. 2016а. № 4 (53). С. 136–141.
- Рудь А.А. Современные процессы в религиозной сфере восточных хантов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016b. № 2 (10). С. 108–124.
- Рудь А.А. Трансформация транспортной инфраструктуры, используемой восточными хантами ХМАО — Югры (в период с 1960-х годов до настоящего времени) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021а. XXIV (1). С. 204–223. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.8>
- Рудь А.А. Алкоголь и его функции в культуре хантов Сургутского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021b. № 4 (55). С. 224–234. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-19>
- Рутткаи-Миклиан Э. Модернизация табу: Вопросы «чистоты» в городской среде (на примере сыньских хантов) // ЭО. 2016. № 1. С. 42–53.
- Рындина О.М. Звук металла в моделировании пространства у обских угров // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции: (Материалы XIV Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф.). Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 297–302.
- Соколова З.П. Ханты и манси: Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
- Студина В.И. Оружие ближнего боя народов Северо-Западной Сибири периода средневековья как историко-культурное явление // Вестник угроведения. Т. 14. № 1 (56). 2024. С. 149–162. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-1-149-162>
- Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. В.А. Бейлис. М.: Наука, 1983. 278 с.
- Чемякин Ю., Карачаров К. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е изд. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.
- Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
- Энергия Арктики и Сибири: Использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / Отв. ред. В.Н. Давыдов. СПб.: МАЭ РАН; М.: Изд-во вост. лит., 2020. 311 с.
- Jordan P. Material Culture and Sacred Landscape: The Anthropology of the Siberian Khanty. N. Y.: AltaMira Press, 2003. 309 p.

ИСТОЧНИКИ

Рудь А.А. Полевые материалы этнографических экспедиций 2002–2017 гг. (р. Лямин, р. Пим, р. Тромъеган, р. Аган, р. Большой Юган, р. Малый Юган) // Личный архив А.А. Рудя, г. Верхняя Пышма.

Rud' A.A.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Chervishevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: raa@bk.ru

Wood and modern materials in the cultural space of the Surgut Khanty

The aim of the work is to analyse the role of wood and modern materials in the culture of the Surgut Khanty. The research addresses a number of issues including the symbolic characteristics of traditional natural materials (wood, birch bark) and modern materials (metal, plastic, glass, rubber, etc.), determination of their place within the sign-symbolic model, relationship between the placement of waste from modern materials and the spatial-symbolic scheme of the settlement. The sources of the research include the author's field materials collected in 2002–2017 among the Khanty of the Surgut region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, as well as published materials on the culture of the Eastern Khanty and their neighbors. In the culture of the Surgut Khanty, wood and birch bark hold a deep and symbolic meaning rooted in tradition, in addition to their practical uses. Modern materials, owing to their strong functional properties and availability, are becoming increasingly popular in the region. The replacement of traditional materials with modern ones (practical, but lacking symbolism) has led to the neutralisation of the traditional meanings attached to wooden objects. This development is indicative of a broader desacralisation of the cultural space of the taiga inhabitants. At the same time, the cult and ritual sphere traditionally remains largely resistant to the mass use of modern materials, and continues to preserve the symbolic characteristics of wood and birch bark.

Keywords: Surgut Ob region, symbols in culture, wood and birch bark, metal, glass and plastic.

REFERENCES

- Adaev V.N. (2007). *Traditional ecological culture of the Khanty and Nenets*. Tyumen: Vektor Buk (Rus.).
- Baiburin, A.K. (1981). Semiotic status of things and mythology. In: *Material'naya kul'tura i mifologiya*. Leningrad: Nauka, 215–226. (Rus.).
- Baiburin, A.K. (1989). Semiotic aspects of the functioning of things. In: *Etnograficheskoye izucheniye znakovykh sredstv kul'tury*. Leningrad: Nauka, 63–88. (Rus.).

- Baulo, A.V., Golubkova, O.V. (2020). The Legend of Tan-varp-ekva. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 123–134. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-11>
- Chemyakin, Yu., Karacharov, K. (2002). Ancient history of the Surgut Ob region. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov (materialy k atlasu)*. Ekaterinburg: Tesis, 5–74. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1995). *Speaking cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugric peoples*. Yekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (2017). Arctic ethnodesign. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 55(2), 6–17 (Rus.).
- Golovnev, A.V., Kukanov, D.A., Perevalova, E.V. (2018). *Arctic: Atlas of Nomadic Technologies*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Goncharov, N.S. (2024). *Linking space: Practices and strategies for life support of northern communities of the Sakha Republic (Yakutia)*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Gorodtsov, V.A. (1914). *Guide to archaeological excavations*. Moscow. (Rus.).
- Davydov, V.N. (Ed.) (2020). *Energy of the Arctic and Siberia: use of resources in the context of socio-economic changes*. St. Petersburg: MAE RAN; Moscow: Izd-vo vost. lit. (Rus.).
- Eliade, M. (1994). *The Sacred and the Profane*. Moscow: Izd-vo MSU. (Rus.).
- Jordan, P. (2003). *Material Culture and Sacred Landscape: The Anthropology of the Siberian Khanty*. New York: AltaMira Press.
- Kar'yalaynen, K.F. (1994). *Religion Ugra peoples. Vol. I*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).
- Kulemzin, V.M. (1984). *The person and the nature in beliefs of Khanty*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).
- Kulemzin, V.M., Lukina, N.V. (1992). *Meet the Khanty*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Mauss, M. (2000). *Social functions of the sacred*. St. Petersburg: Evrasia. (Rus.).
- Mauss, M. (2011). Essay on the gift: Form and basis of exchange in archaic societies. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow: KDU. (Rus.).
- Pesikova, A.S. (2006). *View from the inside of culture*. Khanty-Mansiisk: Poligrafist. (Rus.).
- Rud', A.A. (2007). Information on bear hunting in the Surgut region. In: *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, (4). Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Tomskii universitet, 83–109. (Rus.).
- Rud', A.A. (2011). Information about anthropomorphic images on trees in the Surgut Ob region. In: *Khanty-Mansiyskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, (9). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskii universitet, 339–354. (Rus.).
- Rud', A.A. (2016a). Ritual Sites of the Eastern Khanty in the beginning 21st century. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 53(4), 136–141. (Rus.).
- Rud', A.A. (2016b). Modern Processes in the Religious Beliefs of the Eastern Khanty. *Ezhegodnik finnougrskikh issledovaniy*, 10(2), 108–124. (Rus.).
- Rud', A.A. (2021a). Transformation of transport infrastructure used by the Eastern Khanty of Khanty-Mansi autonomous okrug — Yugra (Since the 1960s to the Present). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 34(1), 204–223. (Rus.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.8>
- Rud', A.A. (2021b). Alcohol and its functions in the culture of the Khanty of the Surgut Ob region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 55(4), 224–234. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-19>
- Ruttkay-Miklian, E. (2016). Modernization of a Taboo: Issues of “Purity” in the Urban Environment (the Case of Synia Khants). *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 42–53. (Rus.).
- Ryndina, O.M. (2008). The sound of metal in the modeling of space among the Ob Ugrians. In: *Vremya i kul'tura v arheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Problemy interpretatsii i rekonstruktsii: (Materialy XIV Zapadno-Sibirskoy arheologo-etnograficheskoy konferentsii)*. Tomsk: Agraf-Press, 297–302. (Rus.).
- Sokolova, Z.P. (2009). *Khanty and Mansi: A view from the 21st century*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Spodina, V. I. (2024). Close-quarter weapon of the peoples of Northwestern Siberia the Middle Ages as the historical and cultural phenomenon. *Vestnik ugrovedeniya*, 14(1), 149–162. (Rus.). <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-1-149-162>
- Turner, V. (1983). *Symbol and Ritual*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Wiget, A. (2002). Economy and traditional land use of the eastern Khanty. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov (materialy k atlasu)*. Ekaterinburg: Tesis, 169–222. (Rus.).
- Wiget, A., Balalaeva, O. (2014). Oil, marginalization and the Eastern Khanty. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*, (4), 38–72. (Rus.).
- Zen'ko, A.P. (1997). *Representations of the supernatural in the traditional worldview of the Ob Ugrians: Structure and variability*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Рудь А.А., <https://orcid.org/0000-0002-0438-8159>

Сведения об авторе: Рудь Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the author: Rud', A.A., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted 02.10.2025

Article is published: 15.12.2025